

наличная, не осязаемая и видимая, не истинная действительность; если они *наличны*, если они видимы, то они – мертвые предметы и уже не означают бытия духа. Но предметность в собственном смысле должна быть *непосредственной, чувственной*, так что дух в этой предметности как в предметности мертвой устанавливается как нечто действительное, ибо кость есть мертвое, поскольку мертвое находится в самом живом. – Понятие этого представления состоит в том, что разум для себя есть *всякая вещьность*, даже *сама чисто предметная* вещьность; но разум таков – *в понятии*, или: только понятие есть его истина; и чем чище само понятие, тем более нелепо представление, до которого оно низводится, если его содержание есть не в качестве понятия, а в качестве представления, – если себя само снимающее суждение берется не с сознанием этой его бесконечности, а как неизменное положение, субъект и предикат которого должны иметь каждый значение для себя, самость должна фиксироваться как самость, вещь как вещь, и все же одно должно быть другим. – Разум, по существу понятие, раздвоен непосредственно на себя самого и на противное себе – противоположность, которая именно поэтому столь же непосредственно снята. Но если он таким образом предстает в качестве себя самого и в качестве противного себе и удерживается в совершенно единичном моменте этого раздвоения, он постигается неразумно; и чем чище моменты этой противоположности, тем более бросается в глаза явление этого содержания, которое либо есть только для сознания, либо наивно им только высказывается. – *Глубина*, которую дух извлекает изнутри наружу, но не далее своего *представляющего сознания*, оставляя ее в нем – и *невѣдение* этим сознанием того, что им высказывается, есть такое же сочетание возвышенного и низменного, какое природа наивно выражает в живущем, сочетая орган его наивысшего осуществления – орган деторождения – с органом мочеиспускания. – Бесконечное суждение как бесконечное можно было бы назвать осуществлением жизни, постигающей самое себя, а не выходящее из представления сознание его можно было бы сравнить с мочеиспусканием.

В. ПРЕТВОРЕНИЕ РАЗУМНОГО САМОСОЗНАНИЯ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ИМ САМИМ

[Обзор ниже следующего отдела.] – Самосознание нашло вещь в качестве себя и себя в качестве вещи, т.е. для *самосознания ясно*, что *в себе* оно есть предметная действительность. Оно уже не есть *непосредственная* достоверность того, что оно есть вся реальность, а оно есть такая достоверность, для которой непосредственное вообще имеет форму чего-то снятого, так что его *предметность* считается еще лишь поверхностью, “внутреннее” и сущность которой есть *оно само*. – Предмет, с которым оно положительно соотносится, есть поэтому некоторое самосознание, он есть в форме вещьности, т.е. он самостоятелен; но самосознание обладает достоверностью того, что этот самостоятельный предмет не есть нечто чуждое для него; оно знает тем

самым, что оно *в себе* признано этим предметом; оно есть дух, обладающий достоверностью того, что в удвоении своего самосознания и в самостоятельности обоих он имеет свое единство с самим собою. Эта достоверность должна теперь для него возвыситься до истины; то, что важно для него, [т.е.] то, что оно есть *в себе* и в своей *внутренней* достоверности, должно войти в его сознание и открыться *для него*.

[1. Непосредственное направление движения самосознания, царство нравственности.] – Каковы будут общие этапы этого претворения в действительность, это в общем намечается уже сравнением с пройденным путем. А именно, подобно тому как наблюдающий разум в стихии категории повторял движение *сознания*, т.е. чувственную достоверность, восприятие и рассудок, так разум в свою очередь пройдет также двойное движение *самосознания* и перейдет из самостоятельности к своей свободе. Прежде всего этот деятельный разум сознает себя самого только в качестве некоторого индивида и как таковой необходимо требует своей действительности в другом и создает ее; но затем, когда сознание индивида возвышается до всеобщности, оно становится *всеобщим* разумом и сознает себя в качестве разума, как то, что признано уже в себе и для себя и что объединяет в своем чистом сознании всякое самосознание; оно есть простая духовная сущность, которая, приходя в то же время к сознанию, есть *реальная субстанция*, куда прежние формы возвращаются как в свою основу, так что по отношению к последней они суть лишь отдельные моменты ее становления; эти моменты хотя и отрываются и выступают в качестве собственных формообразований, на деле, однако, обладают *наличным бытием* и *действительностью*, только имея своим носителем эту основу; своей же *истиной* обладают лишь постольку, поскольку они суть и остаются внутри его самого.

Если мы воспримем эту цель, которая есть *понятие*, для нас уже возникшее, т.е. признанное самосознание, которое в другом свободном самосознании обладает достоверностью себя самого и именно ее имеет своей истиной, – если мы воспримем эту цель в ее реальности, или: если мы извлечем наружу этот еще внутренний дух как субстанцию, уже достигшую своего наличного бытия, то [мы убедимся, что] в этом понятии открывается *царство нравственности*. Ибо эта последняя есть не что иное, как абсолютное духовное *единство* сущности индивидов в их самостоятельной *действительности*, некоторое в себе всеобщее самосознание, которое для себя столь действительно в некотором другом сознании, что последнее обладает совершенной самостоятельностью, или есть для него некоторая вещь, и что именно тут оно сознает единство с ней, и лишь в этом единстве с этой предметной сущностью оно есть самосознание. Эта нравственная *субстанция*, взятая в *абстракции всеобщности*, есть лишь *мысленный закон*; но столь же непосредственно она есть действительное *самосознание*, или: она есть *нравы*. *Единичное* сознание, наоборот, есть только “это” сущее “одно”, так как оно сознает всеобщее сознание в своей единичности как свое бытие, так как его действие и наличное бытие есть общие нравы.

В жизни народа понятие претворения в действительность разума, обладающего самосознанием, на деле имеет свою завершенную реальность – это понятие состоит в том, что разум усматривает в самостоятельности *другого* полное *единство* [его] с ним, или в том, что он имеет предметом, в качестве *моего для-меня-бытия*, “эту”, мною уже найденную свободную *вещность* некоторого другого, которая есть негативное меня самого. Разум наличествует как текучая всеобщая *субстанция*, как неизменная простая *вещность*, рассыпающаяся на множество совершенно самостоятельных сущностей, подобно свету в звездах, – бесчисленными для себя сверкающими точками, которые в своем абсолютном для-себя-бытии растворены в простой самостоятельной субстанции не только *в себе*, но и *для самих себя*; они сознают, что они суть эти единичные самостоятельные сущности благодаря тому, что они жертвуют своей единичностью, и эта всеобщая субстанция есть их душа и сущность, подобно тому как это всеобщее в свою очередь есть *действие* их как отдельных лиц или ими созданное *произведение*.

Чисто единичные действия и поведение индивида связаны с потребностями, которые имеются у него как у природного существа, т.е. как у *сущей единичности*. То обстоятельство, что даже эти его самые обычные функции не уничтожаются, а обладают действительностью, происходит благодаря всеобщей сохраняющей среде, благодаря *мощи* всего народа. – Но индивид имеет во всеобщей субстанции не только эту *форму устойчивости* своего действия вообще, но в такой же мере и *свое содержание*; то, что он делает, есть всеобщее мастерство и нравы всех. Это содержание, поскольку оно полностью распадается на единицы, в своей действительности вплетено в действие всех. *Труд* индивида, направленный на удовлетворение его потребностей, в такой же мере есть удовлетворение потребностей других, как и своих собственных, и удовлетворения своих потребностей он достигает лишь благодаря труду других. – Как отдельное лицо в своей *единичной* работе *бессознательно* уже выполняет некоторую *общую* работу, так выполняет оно и общую работу в свою очередь как свой *сознательный* предмет; целое становится *как целое* его произведением, для которого оно жертвует собою, и именно поэтому получает от него обратно себя самого. – Здесь нет ничего, что не было бы взаимным, ничего, в чем самостоятельность индивида, растворяя свое для-себя-бытие, подвергая *негации* самое себя, не сообщала бы себе своего *положительного* значения, состоящего в том, чтобы быть для себя. Это единство бытия для другого, или превращения себя в вещь, и для-себя-бытия, эта всеобщая субстанция говорит своим *всеобщим языком* в нравах и законах народа; но эта сущая неизменная сущность есть не что иное, как выражение самой единичной индивидуальности, которая кажется противоположной этой субстанции; законы выражают то, что *есть* и что *делает* каждое отдельное лицо; индивид познает эту субстанцию не только как свою *всеобщую* предметную вещьность, но в равной мере и себя в ней или в разьединенном виде в своей собственной индивидуальности и в каждом из сво-

их сограждан. Поэтому во всеобщем духе каждый обладает только достоверностью себя самого, состоящей в том, что он в сущей действительности ничего не находит, кроме себя самого; о других он знает так же достоверно, как о себе. – Я созерцаю во всех, что для себя самих они суть лишь такие же самостоятельные сущности, как и я; я созерцаю в них свободное единство с другими так, что само это единство есть как благодаря мне, так и благодаря другим. Их я созерцаю в качестве себя, себя – как их.

В свободном народе поэтому разум поистине претворен в действительность: разум есть наличествующий живой дух, в котором индивид находит не только высказанным и имеющимся налицо в качестве вещицы свое *определение*, т.е. свою всеобщую и единичную сущность, но он сам есть эта сущность и он также достиг своего определения. Мудрейшие люди древности поэтому решили, что *мудрость и добродетель состоят в том, чтобы жить согласно нравам своего народа*¹²⁷.

[2. Содержащееся в этом направлении обращение движение, становление морали.] – Но самосознание, которое прежде всего есть дух *лишь непосредственно и согласно понятию*, вышло из этого счастливого состояния, когда оно достигло своего определения и живет в нем, – или же оно еще его не достигло, ибо одинаково можно сказать и то и другое.

Разум *должен выйти из этого счастливого состояния*, ибо лишь в себе или *непосредственно* жизнь свободного народа есть *реальная нравственность*, или последняя есть *сущая* нравственность, а следовательно, и сам этот всеобщий дух есть дух единичный, нравы и законы, взятые в целом, – *определенная* нравственная субстанция, которая лишь в более высоком моменте, а именно в *сознании о своей сущности*, убирает ограничение и лишь в этом познавании, а не непосредственно в своем *бытии*, имеет свою абсолютную истину; в бытии же она, с одной стороны, есть ограниченная субстанция, а с другой стороны, абсолютное ограничение именно в том и состоит, что дух есть в форме *бытия*.

Далее, *единичное* сознание, поскольку оно непосредственно существует в реальной нравственности или в народе, есть поэтому подлинное доверие, для которого дух не разложился на свои *абстрактные* моменты и которое, следовательно, не знает также, что оно *есть для себя как чистая единичность*. Но раз оно пришло к этой мысли, – а оно должно к ней прийти, – то это *непосредственное* единство с духом или его *бытие* в нем, его доверие потеряно; для себя *изолированное*, единичное сознание видит себя теперь сущностью, но уже не всеобщим духом. Хотя *момент этой единичности самосознания* – в самом всеобщем духе, но лишь как исчезающая величина, которая в том виде, в каком она выступает для себя, столь же непосредственно растворяется в нем и осознается только как доверие. Закрепляясь таким образом (а всякий момент, так как он есть момент сущности, сам должен достигнуть проявления себя как сущности), индивид противопоставлен законам и нравам; они – только мысль, лишенная абсолютной сущности, абстрактная теория, лишенная действительности; индивид же как “это я” видит себя живой истиной.

Или же самосознание *еще не достигло этого счастья* – быть нравственной субстанцией, духом какого-нибудь народа. Ибо, возвратившись из наблюдения, дух на первых порах еще как таковой не претворен в действительность им самим; он установлен лишь как *внутренняя* сущность или как абстракция. – Другими словами, он *есть* лишь *непосредственно*; но будучи непосредственно сущим, он *единичен*; но есть практическое сознание, вступающее в мир, который он застаёт, с целью удвоить себя в этой определенности отдельного лица, создать себя в качестве “этого”, в качестве своего сущего антитипа, и достигнуть сознания этого единства своей действительностью с предметной сущностью. Практическое сознание обладает *достоверностью* этого единства; ему ясно, что в себе это единство есть или что это согласование его и вещи уже имеется налицо, но должно еще возникнуть *для него* и через него, или же что его *делание* в такой же мере есть *нахождение* этого единства. Так как последнее называется *счастьем*, то дух этого индивида тем самым посылает его в мир *искать* своего счастья.

Если, стало быть, истина этого разумного самосознания есть для нас нравственная субстанция, то для него здесь – начало его нравственного опыта в мире. Поскольку оно еще не стало нравственной субстанцией, это движение устремляется к ней; и преодоленным в нем оказываются единичные моменты, которые для этого самосознания имеют значение изолированных. Они имеют форму непосредственного хотения или *естественного влечения*, достигающего своего удовлетворения, которое само есть содержание нового влечения. – Но поскольку самосознанием утеряно счастье быть в субстанции, эти естественные влечения связаны с сознанием их цели как истинного определения и существенности; нравственная субстанция низведена до лишенного самости предиката, живые субъекты которого суть те индивиды, которые должны самими собою заполнить всеобщность субстанции и заботиться о ее определении из себя. – В первом из этих значений, стало быть, указанные формы составляют становление нравственной субстанции и предшествуют ей; во втором они следуют за ней и растворяют для самосознания то, что может составлять его определение; в первом случае в движении, в котором на опыте узнается, в чем их истина, утрачивается непосредственность или грубость влечений и содержание их переходит в более высокое, а во втором – утрачивается ложное представление сознания, усматривающего в них свое определение. В первом случае *цель*, которой они достигают, есть непосредственная нравственная субстанция; во втором же – цель есть сознание ее, и притом такое сознание, которое знает ее в качестве собственной сущности; и постольку это движение было бы становлением морали, некоторой более высокой формы, чем первая. Однако эти формы составляют в то же время только одну сторону становления морали, а именно ту, которая относится к *для-себя-бытию*, или в которой сознание снимает *свои* цели, – не ту сторону, с которой мораль проистекает из самой субстанции. Так как эти моменты еще не могут иметь значения, при котором они в противоположность утерянной нравственности могли бы быть возведены в цели, то

они расцениваются здесь по их наивному содержанию, и цель, к которой они устремляются, есть нравственная субстанция. Но так как для наших времен ближе та форма ее, в которой они являются после того, как сознание потеряло свою нравственную жизнь и в поисках ее повторяет те первые формы, то они в большей степени могут быть представлены этим последним способом выражения.

Самосознание, которое есть всего лишь понятие духа, начинает этот путь в определенности – быть для себя сущностью в качестве единичного духа; и его цель, следовательно, претворить себя в действительность как единичное и как таковое наслаждаться собою в ней.

В определении – быть для себя сущностью как *для-себя-сущее* – оно есть *негативность* другого; в своем сознании поэтому оно само как положительное противостоит такому, которое хотя и *есть*, но для него имеет значение некоторого не в-себе-сущего; сознание выступает раздвоенным на данную уже найденную действительность и на *цель*, которую оно осуществляет путем снятия этой действительности и которую оно, напротив, делает действительностью на место первой. Но его ближайшая цель есть его *непосредственное* абстрактное *для-себя-бытие*, или: она – в том, чтобы созерцать себя как *данное единичное* в некотором другом, либо некоторое другое самосознание как себя. Опыт, показывающий, в чем истина этой цели, поднимает самосознание на более высокую ступень, и теперь оно для себя есть цель, поскольку оно в то же время есть *всеобщее* самосознание и поскольку *закон* заключается *непосредственно* в нем. Но, исполняя этот *закон* своего *сердца*, оно на опыте узнает, что *единичная* сущность при этом не может сохраниться, а добро может быть осуществлено лишь путем жертвования ею, и самосознание становится *добродетелью*. Опыт, который добродетель совершает, может состоять только в том, что ее цель в себе уже осуществлена, счастье находится непосредственно в самом действовании, а само действие есть добро. Понятие всей этой сферы, заключающееся в том, что вещь есть *для-себя-бытие* самого духа, обнаруживается для самосознания в ее движении. Так как самосознание нашло это понятие, то оно есть для себя, следовательно, реальность в качестве непосредственно выражающей себя индивидуальности, которая более не находит сопротивления в какой-нибудь противоположной действительности и для которой предмет и цель – лишь само это выражение.

а. Удовольствие и необходимость

Самосознание, которое есть для себя (*sich*) вообще *реальность*, имеет свой предмет в самом себе, но как такой предмет, который оно имеет лишь *для себя* и который еще не обладает бытием; *бытие* противостоит ему как некоторая иная действительность, нежели его действительность; и она стремится к тому, чтобы, осуществляя свое *для-себя-бытие*, созерцать себя как другую самостоятельную сущность. Эта *первая цель* состоит в том, чтобы осознать себя в другом самосознании

как единичную сущность, или: это “другое” сделать самим собою; оно обладает достоверностью того, что *в себе* уже это “другое” – оно само. – Поскольку оно поднялось из нравственной субстанции и покоящегося бытия мышления до своего *для-себя-бытия*, постольку оно оставляет позади себя закон нравов и наличного бытия, знания, полученные от наблюдения, и теорию как серую, тотчас же исчезающую тень; ибо это есть скорее знание о чем-то таком, для-себя-бытие и действительность чего – иные, чем для-себя-бытие и действительность самосознания. Вместо небесно сияющего духа всеобщности знания и действия, где умолкает чувство и наслаждение единичности, в него вселился дух земли, для которого имеет значение истинной действительности только то бытие, которое составляет действительность единичного сознания.

Презирает оно рассудок и науку,
Наивысшие дары человека, –
Чёрту оно отдалось
И обречено на погибель¹²⁸.

Итак, оно погружается в жизнь и осуществляет чистую индивидуальность, в которой оно выступает. Оно не создает себе своего счастья, а скорее непосредственно берет его и наслаждается им. Тени науки, законов и принципов, которые одни только стоят между ним и его собственной действительностью, исчезают как безжизненный туман, который оно не может воспринять с достоверностью своей реальности; оно берет себе жизнь, как срывают зрелый плод, который в такой же мере сам падает к нам в руки, как и мы берем его.

[1. У д о в о л ь с т в и е.] – Его действие только со стороны некоторого момента есть действие *вожделения*; оно направлено не на уничтожение предметной сущности в целом, а лишь на форму ее инобытия или на ее самостоятельность, которая есть лишенная сущности видимость, ибо *в себе* она имеет для него значение той же сущности или его самостоятельности. Стихия, где вождление и его предмет друг к другу равнодушны и самостоятельны, есть *живое наличное бытие*; удовлетворение вождления снимает это бытие, поскольку оно принадлежит предмету вождления. Но стихия, которая сообщает тому и другому обособленную действительность, здесь есть, напротив, категория, некоторое бытие, которое по существу есть *представляемое бытие*; поэтому оно есть *сознание* самостоятельности, – будь то сознание естественное или развившееся в систему законов, – сознание, которое сохраняет индивидов каждого для себя. Этого разделения в себе нет для самосознания, знающего другое самосознание как *свою собственную самостоятельность*. Оно достигает, стало быть, удовлетворения от наслаждения, сознания своего претворения в действительность в некотором выступающем как самостоятельном сознании, или: – созерцания единства обоих самостоятельных самосознаний. Оно достигает своей цели, но тут-то и узнает на опыте, в чем ее истина. Оно составляет о себе понятие как об “этой” *единичной для-себя-сущей* сущности, но само осуществление этой цели

есть снятие ее; ибо оно не становится для себя предметом в качестве “этого единичного”, а, напротив, в качестве *единства* себя самого и другого самосознания, следовательно, как снятое единичное или как *всеобщее*.

[2. Н е о б х о д и м о с т ь.] – Испытанное удовольствие имеет, конечно, положительное значение, заключающееся в том, что оно открылось *себе самому* в качестве предметного самосознания, но в такой же мере оно имеет и негативное значение, состоящее в том, что оно сняло *себя само*; и так как оно поняло свое претворение в действительность лишь в первом значении, то его опыт входит в его сознание как противоречие, в котором достигнутая действительность его единичности видит, что она уничтожается негативной *сущностью*, которая, будучи лишена действительности и содержания, противостоит указанной действительности и тем не менее составляет поглощающую мощь этой сущности. Эта сущность есть не что иное, как *понятие* того, что есть эта индивидуальность в себе. Но последняя есть еще беднейшая форма духа, претворяющего себя в действительность; ибо она есть для себя лишь *абстракция* разума или *непосредственность единства для-себя-бытия* и *в-себе-бытия*; ее сущность есть, следовательно, лишь *абстрактная* категория. Однако она не имеет более формы *непосредственного* *простого* бытия, как [она имела ее] для наблюдающего духа, где она есть абстрактное *бытие*, или, будучи установлено как нечто чуждое, есть *вещность* вообще. Здесь в эту вещьность вошло для-себя-бытие и опосредствование. Она выступает поэтому как *круг*, содержание которого есть развитое чистое отношение простых сущностей. Достигнутое претворение этой индивидуальности в действительность состоит поэтому лишь в том, что она выбросила этот круг абстракций из замкнутости простого самосознания в стихию *для-него-бытия*, или [в стихию] предметного распространения. Следовательно, для получающего удовольствие самосознания *предметом* как его сущностью становится распространение указанных пустых сущностей – чистого единства, чистого различия и их соотношения; другого содержания предмет, который индивидуальность узнает на опыте как свою *сущность*, не имеет. Он есть то, что называется *необходимостью*, ибо необходимость, *судьба* и т.п. и есть как раз то, о чем не умеют сказать, что оно делает, каковы его определенные законы и положительное содержание, потому что оно – само абсолютное, созерцаемое как бытие чистое понятие, *соотношение* простое и пустое, но непреодолимое и нерушимое, произведение которого есть лишь “ничто” единичности. Необходимость есть эта *прочная связь*, потому что связующее – это чистые сущности или пустые абстракции; единство, различие и соотношение суть категории, из которых каждая, будучи ничем в себе и для себя, есть лишь в соотношении с противоположным ей и которые поэтому не могут быть разъединены. Они друг с другом соотносены своим *понятием*, ибо они сами суть чистые понятия; и это *абсолютное соотношение* и абстрактное движение составляют необходимость. Единич-

ная лишь индивидуальность, которая своим содержанием имеет сначала только чистое понятие разума, вместо того чтобы покинуть мертвую теорию и погрузиться в жизнь, скорее, таким образом, погрузилась только в сознание собственной безжизненности и достается себе лишь в качестве пустой и чуждой необходимости, в качестве *мертвой* действительности.

[3. *Противоречие в самосознании.*] – Переход совершается из формы “одного” в форму *всеобщности*, из одной абсолютной абстракции в другую, из цели чистого *для-себя-бытия*, отбросившего общность с “*другими*”, в *чистую* противоположность, которая в силу этого есть столь же абстрактное *в-себе-бытие*. Это проявляется, следовательно, так, что индивид только гибнет, а абсолютная хрупкость единичности рассыпается в прах, наткнувшись на столь же твердую, но непрерывную действительность. – Будучи в качестве сознания единством себя самого и своей противоположности, индивид еще видит эту гибель; он видит свою цель и свое претворение в действительность, точно так же как и противоречие того, что было сущностью *для него* и что есть сущность *в себе*; – он узнает на опыте двойкий смысл, заключающийся в том, что он делал, а именно в том, что он *взял* себе свою *жизнь*; он брал жизнь, но тем самым он, напротив, схватывал смерть*.

Этот переход его живого бытия в безжизненную необходимость кажется ему поэтому чем-то извращенным (*Verkehrung*), ничем не опосредствованным. Опосредствующим должно было бы быть то, в чем обе стороны составляли бы одно, где сознание, следовательно, узнавало бы один момент в другом, свою цель и действие – в судьбе и свою судьбу – в своей цели и своем действии, *свою собственную сущность* – в этой *необходимости*. Но это единство есть для этого сознания именно само удовольствие или *простое единичное* чувство, и для него переход от момента этой его цели в момент его истинной сущности есть прямой скачок в противоположное, ибо эти моменты содержатся и связаны не в чувстве, а лишь в чистой самости, которая есть некоторое всеобщее или мышление. Поэтому сознание благодаря своему опыту, в котором для него должна была обнаружиться его истина, стало для себя скорее загадкой: последствия его действий для него не есть сами его действия; то, что с ним случается, не есть *для него* опыт того, что оно есть *в себе*; переход не есть просто изменение формы одного и того же содержания и одной и той же сущности, представленных в одном случае как содержание и сущность сознания, в другом – как предмет или *созерцаемая* сущность самого себя. *Абстрактная необходимость* считается, таким образом, той лишь негативной непостигнутой в понятии *мощи всеобщности*, о которую разбивается индивидуальность.

* Гегель имеет в виду двойной смысл выражения *sich das Leben nehmen*, – буквальный: *взять себе жизнь*, и обычный *идиоматический*: *лишить себя жизни* (отнять у себя жизнь). – *Примеч. пер.*

Здесь кончается явление этой формы самосознания; последний момент существования этой формы есть мысль о ее потере в необходимости, или мысль о себе самой, как о некоторой абсолютно *чуждой* себе сущности. Но самосознание *в себе* пережило эту потерю; ибо эта необходимость или чистая всеобщность есть *его собственная* сущность. Эта рефлексия сознания в себя – знание того, что необходимость – это оно *само*, – есть его новая форма.

в. Закон сердца и безумие самомнения

То, что поистине есть необходимость в самосознании, тем она является и для его новой формы, в которой оно есть для себя самого “необходимое”; оно знает, что *непосредственно* обладает внутри себя *всеобщим* или *законом*, который в силу определения, согласно которому он есть *непосредственно* в для-себя-бытии сознания, называется *законом сердца*. Это форма, как и предшествующая, будучи единичностью, есть *для себя* сущность; но она богаче определением, согласно которому она считает это *для-себя-бытие* необходимым или всеобщим.

Следовательно, закон, который непосредственно есть собственный закон самосознания, или сердце, содержащее в себе однако закон, есть та *цель*, которую самосознание старается осуществить. Посмотрим, соответствует ли ее осуществление такому понятию и узнает ли оно внутри себя на опыте этот свой закон как сущность.

[1. Закон сердца и закон действительности.] – Этому сердцу противостоит некоторая действительность, ибо в сердце закон есть прежде всего лишь *для себя*, еще не претворенный в действительность, и, следовательно, он в то же время есть нечто *иное*, нежели понятие. Это “иное” определяется в силу этого как некоторая действительность, которая есть противоположное тому, что подлежит претворению в действительность, – следовательно, есть *противоречие закона и единичности*. Таким образом, эта действительность, с одной стороны, есть закон, которым подавляется единичная индивидуальность, насильственный миропорядок, противоречащий закону сердца, а с другой стороны, страждущее под этим порядком человечество, которое не следует закону сердца, а подчинено чуждой необходимости. – Эта действительность, которая *противостоит* теперешнему формообразованию сознания, есть, как это явствует, не что иное, как прежнее раздвоенное отношение индивидуальности и ее истины, отношение жестокой необходимости, которой подавляется индивидуальность. *Для нас* прежнее движение противостоит новой форме потому, что последняя в себе возникла из него, – момент, из которого оно проистекает, следовательно, необходим для него; но ему кажется, что она находит этот момент *наличным*, так как оно не сознает своего *происхождения*, и видит свою сущность в том, что оно, напротив, есть *для себя* самого или есть “негативное” по отношению к этому положительному в-себе[-бытию].

Таким образом эта индивидуальность направлена на то, чтобы снять противоречащую закону сердца необходимость, равно как и принимаемое ею страдание. Она, следовательно, уже более не есть легкомыслие прежней формы, которая желала только единичное удовольствие, а есть серьезность некоторой высокой цели, ищущая своего удовольствия в проявлении своей собственной *превосходной* сущности и в созидании *блага человечества*. То, что она претворяет в действительность, само есть закон, и ее удовольствие поэтому есть в то же время общее влечение всех сердец. То и другое для нее *нераздельно*: ее удовольствии закономерно, и осуществление общечеловеческого закона есть приуготовление ее единичного удовольствия. Ибо внутри себя самой индивидуальность и необходимость – *непосредственно* одно, закон есть закон сердца. Индивидуальность еще не тронулась с своего места, и единство индивидуальности и необходимости получилось не в результате их опосредствующего движения и не в результате воспитания. Претворение в действительность непосредственной, *невоспитанной* сущности считается проявлением некоторого превосходства и созиданием блага человечества.

Напротив того, закон, который противостоит закону сердца, отделен от сердца и свободен для себя. Человечество, которое ему принадлежит, живет не в осчастливливающем единстве закона с сердцем, а или в жестоком разладе и страдании, или по меньшей мере лишенным наслаждения *самим собою* при *соблюдении* закона и в недостатке сознания собственного превосходства при *нарушении* его. Так как упомянутый властительный божественный и человеческий порядок отделен от сердца, то он для последнего есть *видимость*, долженствующая потерять то, что ей еще приписывается, а именно власть и действительность. При случае он, конечно, может в своем *содержании* согласоваться с законом сердца, и тогда последнее может принять его; но не просто закономерное как таковое составляет для него сущность, а то, что оно создает в нем *себя само*, что оно в нем *себя* удовлетворило. Но там, где содержание всеобщей необходимости не согласуется с сердцем, она и по содержанию своему есть ничто в себе и должна отступить перед законом сердца.

[2. Претворение сердца в действительность.] – Итак, индивид *осуществляет* закон своего сердца; этот закон становится *общим порядком*, а удовольствие – некоторой в себе и для себя закономерной действительностью. Но в этом претворении в действительность закон сердца на деле ускользнул от индивида; он непосредственно становится только отношением, которое должно было быть снято. Закон сердца именно благодаря своему претворению в действительность перестает быть законом *сердца*. Ибо он получает при этом форму *бытия* и является теперь *общей мощью*, для которой “это” сердце безразлично, так что индивид, *устанавливая* свой *собственный* порядок, тем самым уже не считает его своим. Претворяя в действительность свой закон, он создает этим не *свой* закон, а (так как в се-

бе это претворение есть его претворение, для него же – чуждое) создает лишь то, что он вовлекается в действительный порядок, и притом вовлекается в него как в некоторую ему не только чуждую, но и враждебную превосходящую его мощь. – Своим действием он включает себя в общую стихию или, вернее, проявляет себя *как* всеобщую стихию сущей действительности, и само его действие должно по своему смыслу иметь значение некоторого общего порядка. Но этим он предоставил себе *свободу* от самого себя, крепнет как всеобщность для себя и очищается от единичности; индивид, который хочет познать всеобщность только в форме своего непосредственного для-себя-бытия, не узнает себя, следовательно, в этой свободной всеобщности, хотя в то же время принадлежит ей, ибо она есть его действие. Это действие приобретает поэтому обратное значение: оно *противоречит* общему порядку, ибо действие индивида должно быть действием *его* единичного сердца, а не свободной всеобщей действительностью; и в то же время он на деле *признал* ее, ибо действие имеет тот смысл, что оно утверждает его сущность как *свободную действительность*, т.е. признает действительность его сущностью.

Понятием своего действия индивид точнее определил тот способ, каким против него обращается действительная всеобщность, к которой он приобщился. Его действие в качестве *действительности* принадлежит всеобщему; но содержание этого действия есть собственная индивидуальность, которая хочет сохранить себя в качестве “этой” *единичной* индивидуальности, противоположной всеобщему. Не какой-нибудь определенный закон, об установлении которого могла бы идти речь, а непосредственное единство единичного сердца со всеобщностью есть возведенная в закон и долженствующая обладать значимостью мысль, что *каждое сердце* должно познать *себя* само в том, что есть закон (Gesetz). Но лишь сердце “этого” индивида установило (hat gesetzt) свою действительность в своем действии, выражающем для него *его для-себя-бытие* или *его удовольствие*. Это действие должно непосредственно иметь значимость всеобщего; это значит, что на самом деле оно есть нечто особенное и имеет только форму всеобщности: его *особенное* содержание *как таковое* должно иметь значимость всеобщего. Другие поэтому находят осуществленным в этом содержании не закон своего сердца, а скорее закон *некоторого “иного”*; и именно согласно всеобщему закону, гласящему, что в том, что есть закон, каждый должен найти свое сердце, они обращаются против действительности, которую установил *индивид*, точно так же как последний обращался против их действительности. Таким образом, индивид находит, что, как прежде только жесткий закон, так теперь сами сердца людей противятся его превосходным намерениям и отвращаются от них.

Так как это сознание знает всеобщность еще лишь как *непосредственную* всеобщность, а необходимость – как необходимость *сердца*, то для него природа претворения в действительность и действительности неизвестна, [т.е. неизвестно], что она, как *сущее*, в своей истине, напротив,

есть *всеобщее в себе*, в котором единичность сознания,веряющаяся ей, чтобы *быть в качестве “этой”* непосредственной *единичности*, напротив, погибает; вместо “этого” *своего бытия* сознание достигает, стало быть, в бытии отчуждения от *себя самого*. Но то, в чем оно не узнает себя, уже не есть мертвая необходимость, а есть необходимость, в которую всеобщая индивидуальность вдохнула жизнь. Оно принимало этот божественный и человеческий порядок, который оно застало действующим, за мертвую действительность, в которой не могли бы обладать сознанием самих себя ни оно само, фиксирующее себя как “это” для себя *сущее сердце*, противоположное “всеобщему”, ни сердца, принадлежащие этой действительности; но оно находит, что в нее, напротив, вдохнуло жизнь сознание всех и что она – закон всех сердец. Оно узнает на опыте, что действительность есть порядок, в который вдохнули жизнь, и притом на деле именно в силу того, что оно претворяет в действительность закон своего сердца, ибо это значит только то, что индивидуальность для себя становится своим предметом в качестве “всеобщего”; но в этом предмете оно себя не узнает.

[3. Бунт индивидуальности или безумие самого меня.] – Таким образом, то, что для этой формы самосознания вытекает как истинное из его опыта, *противоречит* тому, что она есть *для себя*. Но то, что она есть для себя, само имеет для нее форму абсолютной всеобщности, и это есть закон сердца, который непосредственно составляет с *самосознанием* одно. В то же время устойчивый и живой порядок точно так же есть его *собственная сущность* и произведение; ничего другого, кроме этого порядка, оно не создает; он в одинаково непосредственном единстве с самосознанием. Таким именно образом последнее, принадлежа двойной противоположной сущности, в себе самом противоречиво и потрясено до самой глубины. Закон “этого” сердца есть только тот закон, в котором самосознание познает себя само; но общепризнанный порядок в силу претворения в действительность названного закона точно так же стал для него его *собственной сущностью* и его *собственной действительностью*; таким образом, то, что противоречит себе в его сознании, в обоих случаях есть для него в форме сущности и его собственной действительности.

Выражая этот момент своей сознающей себя гибели и в ней результат своего опыта, сознание выказывает себя как это внутреннее извращение себя самого, как помешательство того сознания, для которого его сущность (Wesen) непосредственно есть не-сущность (Unwesen), его действительность непосредственно – недействительность (Unwirklichkeit). – Помешательство нельзя понимать в том смысле, что вообще нечто лишнее сущности принимается за существенное, нечто недействительное – за действительное; так что то, что существенно или действительно для одного, для другого не было бы таковым; и сознание действительности и недействительности, или сущности и несущности распалось бы. – Если что-нибудь в самом деле для сознания вообще действительно и существенно, для меня же не действительно и не существенно, то в сознании его

ничтожества я обладаю в то же время (так как я есмь сознание вообще) сознанием его действительности, и когда то и другое фиксировано, то это есть единство, которое в общем есть безумие. Но в этом безумии для сознания помешан только некоторый *предмет*, а не само сознание как таковое внутри себя и для себя. Но в результате опыта, который здесь оказался, сознание в своем законе сознает *себя само* как “это” действительное; и в то же время, так как именно та же сущность, та же действительность *отчуждена* от него, то оно как самосознание, как абсолютная действительность сознает свою недействительность, или: обе стороны в своем противоречии непосредственно имеют для него значение *его сущности*, которая, следовательно, до самой глубины своей безумна.

Биение сердца для блага человечества переходит поэтому в неистовство безумного сомнения, в яростные попытки сознания сохранить себя от разрушения тем, что оно выбрасывает из себя извращенность, которая есть оно само, и старается рассматривать и провозгласить ее некоторым “иным”. Таким образом, оно провозглашает общий порядок извращением закона сердца и его счастья, измышленным фанатическими жрецами, развратными деспотами и их прислужниками, вознаграждающими себя за собственное унижение унижением и угнетением нижестоящих – извращением, практикуемым с целью причинить невыразимое бедствие обманутому человечеству. – В этом своем безумии сознание провозглашает *индивидуальность* тем, что приводит к безумию и извращению, но [это] *чуждая и случайная* индивидуальность. Однако сердце или *единичность сознания, непосредственно желающая быть всеобщей*, есть само это приводящее к безумию и извращенное, и результатом его действия является только то, что это противоречие открывается для *его* сознания. Ибо истинное для него есть закон сердца, нечто просто *мнимое*, которое не вынесло дневного света, как его выносит устойчивый порядок, а, напротив, гибнет, как только оно показывается при дневном свете. Этот закон сердца должен был обладать *действительностью*: здесь закон как *действительность*, как *действующий порядок*, есть для него цель и сущность; но точно так же для него *действительность*, т.е. закон как *действующий порядок*, напротив, есть непосредственно “ничтожное”. – Равным образом его *собственная действительность, оно само* как единичность сознания есть для себя сущность; но свою цель оно видит в том, чтобы выявить эту единичность как *сущую*; таким образом, для него непосредственно, напротив, его самость как не-единичное есть сущность или цель в качестве закона, и именно поэтому – в качестве некоторой всеобщности, каковою оно само было бы для сознания. – Это его понятие благодаря его действию становится его предметом; свою самость оно, напротив, узнает на опыте как недействительное, и недействительность – как свою действительность. Следовательно, не некоторая случайная и чуждая индивидуальность, а именно “это” сердце со всех точек зрения есть внутри себя то, что извращено и что извращает.

Но так как непосредственно всеобщая индивидуальность есть то, что извращено, и то, что извращает, то сам этот всеобщий порядок, бу-

дучи законом всех *сердец*, т.е. законом того, что извращено, не в меньшей мере есть в себе то, что извращено, как это было выражено буйным помешательством. – Из-за сопротивления, которое закон одного сердца встречает в других сердцах, этот порядок когда-нибудь оказывается *законом* всех сердец. Существующие законы защищаются от закона одного индивида, потому что они не бессознательная пустая и мертвая необходимость, а духовная всеобщность и субстанция, где те, в ком эта субстанция имеет свою действительность, живут как индивиды и сознают самих себя; так что хотя они и жалуются на этот порядок, будто он противоречит внутреннему закону, и противопоставляют ему мнения сердца, на деле они сердцем своим преданы ему как своей сущности, и если у них отнимается этот порядок или они сами нарушают его, они теряют всё. Так как именно в этом состоит действительность и мощь общественного порядка, то последний, следовательно, выступает в качестве себе самой равной всеобще-оживотворенной сущности, а индивидуальность – в качестве ее формы. – Но этот порядок есть также то, что извращено.

Ибо в том, что этот порядок есть закон всех сердец, в том, что все индивиды непосредственно составляют это всеобщее, он есть некоторая действительность, которая есть лишь действительность *для себя вещей* индивидуальности или сердца. Сознание, которое устанавливает закон своего сердца, испытывает, таким образом, сопротивление других, ибо оно противоречит *столь же единичным* законам их сердца, и эти другие действуют в своем сопротивлении не иначе, как устанавливая свой закон и заставляя с ним считаться. *Всеобщее*, которое имеется налицо, есть поэтому лишь некоторое всеобщее сопротивление и борьба всех друг против друга, в которой каждый заставляет считаться со своей собственной единичностью, но в то же время не достигает этого, потому что эта единичность испытывает то же сопротивление и взаимно растворяется другими. То, что кажется общественным *порядком*, есть, следовательно, эта всеобщая вражда, в которой каждый прибирает к рукам, что может, učinяет суд над единичностью других и утверждает свою, которая точно так же исчезает благодаря другим. Этот порядок есть *общий ход вещей* (Weltlauf), видимость непрерывного процесса, который есть лишь *мнимая всеобщность* и содержание которого есть, напротив, лишенная сущности игра утверждения единичностей и их растворения.

Если мы рассмотрим обе стороны всеобщего порядка в их взаимном отношении, то [мы убедимся, что] последняя всеобщность имеет своим содержанием непокойную индивидуальность, для которой мнение или единичность есть закон, действительное – недействительно, а недействительное – действительно. Но в то же время она есть *сторона действительности* порядка, ибо к ней относится *для-себя-бытие* индивидуальности. – Другая сторона – это *всеобщее как покоящаяся* сущность, но именно поэтому лишь как нечто *внутреннее*, которое хотя не совсем не существует, но все же не есть действительность и только через снятие индивидуальности, присвоившей себе действительность, само может стать действительным. Формообразование сознания, которое

открывается себе в законе, в истинном и добром *в себе*, не как единичность, а только как *сущность*, но в то же время знает индивидуальность как то, что извращено и извращает, и потому оно должно пожертвовать единичностью сознания, – это формообразование [сознания] есть *добродетель*.

с. Добродетель и общий ход вещей

[1. Связанность самосознания со всеобщим и м.] – В первой форме деятельного разума самосознание есть для себя чистая индивидуальность, и ему противостояла пустая всеобщность. Во второй форме обе стороны противоположности, каждая из них заключала в себе оба момента – закон и индивидуальность; но одна сторона, сердце, была их непосредственным единством, другая – их противоположением. Здесь в отношении между добродетелью и общим ходом вещей оба члена составляют каждый единство и противоположность этих моментов или движение закона и индивидуальности друг по отношению к другу, но движение противоположное. Для сознания добродетели *закон* есть то, что *существенно*, а индивидуальность – то, что подлежит снятию и притом как в самом ее сознании, так и в общем ходе вещей. В сознании собственная индивидуальность должна подчиниться дисциплине всеобщего, в себе истинного и доброго; но сознание остается при этом еще личным сознанием: истинная дисциплина, однако, есть жертвование всей личностью как подтверждение того, что оно на деле уже рассталось с единичностями. В этом единичном жертвовании индивидуальность в то же время уничтожается в *общем ходе вещей*, ибо она есть также простой момент, общий обеим сторонам. – В общем ходе вещей индивидуальность ведет себя обратно тому, как она выявлена в добродетельном сознании, а именно, она стремится возвести себя в сущность и, напротив, подчинить себе доброе и истинное *в себе*. – Общий ход вещей, далее, для добродетели точно так же есть не только это всеобщее, *извращенное индивидуальностью*; абсолютный *порядок* в равной мере есть общий момент, лишь в общем ходе вещей имеющийся налицо для сознания не в качестве *сущей действительности*, а составляя *внутреннюю сущность* сознания. Поэтому названный порядок не должен быть впервые создан, собственно говоря, добродетелью, ибо созидание, будучи *действованием*, есть сознание индивидуальности, а эта последняя, напротив, должна быть снята; но благодаря этому снятию как бы очищается только место для *в-себе*[-бытия] общего хода вещей, дабы оно вступило в существование в себе самом и для себя самого.

Всеобщее *содержание* действительного общего хода вещей уже обнаружилось; рассматривая его ближе, мы находим, что он опять-таки есть не что иное, как оба прежние движения самосознания. Из них возникла [новая] форма – добродетель; так как они – ее источник, то они ей предшествуют; но она стремится к тому, чтобы снять свой источник

и реализовать себя, иначе говоря, стать *для себя*. Таким образом, общий ход вещей есть, с одной стороны, единичная индивидуальность, которая ищет своего удовольствия и наслаждения, хотя находит в них свою гибель и тем самым удовлетворяет всеобщее. Но само это удовлетворение, точно так же как и прочие моменты этого отношения, есть извращенная форма и движение всеобщего. Действительность есть только единичность удовольствия и наслаждения, всеобщее же противоположно ей; это – необходимость, которая есть лишь пустая форма всеобщего, лишь негативная реакция и бессодержательное действие. – Другой момент общего хода вещей – это индивидуальность, которая в себе и для себя хочет быть законом и, воображая это, нарушает установившийся порядок; всеобщий закон, правда, сохраняется вопреки этому самознанию и более не выступает как нечто противоположное сознанию и пустое, [т.е.] выступает не как некая мертвая необходимость, а как *необходимость в самом сознании*. Но существуя как *сознательное* соотношение абсолютно противоречивой действительности, оно есть помешательство; а будучи *предметной* действительностью, оно есть извращенность вообще. Следовательно, всеобщее проявляется, конечно, на обеих сторонах как мощь их движения; но *существование* этой мощи есть лишь всеобщее извращение.

[2. Общий ход вещей как действительность всеобщего в индивидуальности.] – Теперь всеобщее должно получить от добродетели свою подлинную действительность путем снятия индивидуальности, принципа извращения; цель добродетели в том, чтобы этим путем вывернуть обратно извращенный ход вещей и восстановить его истинную сущность. Эта истинная сущность заключена в общем ходе вещей сначала лишь как его “в себе”, она еще не действительна; и добродетель поэтому только *верит* в нее. Добродетель старается поднять эту веру до созерцания, не вкушая, однако, плодов своего труда и жертвы. Ибо поскольку она есть *индивидуальность*, она есть *ведение* борьбы с общим ходом вещей; цель же ее и истинная сущность – это победа, одержанная над действительностью общего хода вещей; вызванное этим существование добра есть тем самым прекращение ее *действия* или *сознания* индивидуальности. – Как бы ни велась сама эта борьба, что бы в ней ни испытала добродетель, будет ли – благодаря жертве, которую она принимает на себя, – общий ход вещей побежден и победит ли добродетель – это должна решить природа того живого оружия, которое пускают в ход участники борьбы. Ибо это оружие есть не что иное, как *сущность* самих борющихся, которая лишь для них обоих проявляется взаимно. Каково их оружие – это явствовало, следовательно, уже из того, что в этой борьбе наличествует в себе.

Для добродетельного сознания *всеобщее* подлинно в *вере* или в *себе*; оно – не действительная еще, а *абстрактная* всеобщность; самому этому сознанию оно присуще как *цель*, общему ходу вещей – как *внутреннее*. В этом именно определении всеобщее проявляется для общего хода вещей как то, что присуще также добродетели, ибо это определе-

ние *хочет* лишь осуществить добро и само еще не выдает его за действительность. Эту определенность можно рассматривать и в том смысле, что добро, вступая в борьбу с общим ходом вещей, тем самым проявляется как то, что есть *для некоторого "иного"*, как нечто, что не есть *в самом себе и для себя самого*, ибо иначе оно не хотело бы сообщить себе свою истину лишь путем подавления своей противоположности. Добро есть еще только *для некоторого "иного"*, значит то же самое, что обнаружилось прежде при противоположном рассмотрении его, а именно: оно есть лишь *абстракция*, обладающая реальностью только в отношении, а не в себе и для себя.

Таким образом, добро или всеобщее, как оно здесь выступает, есть то, что называется *дарованиями, способностями, силами*. Оно есть некоторый модус бытия духовного, где оно представляется как некоторое всеобщее, которое для своего оживотворения и движения нуждается в принципе индивидуальности и в этой последней имеет свою *действительность*. Этот принцип, поскольку он присущ сознанию добродетели, находит этому всеобщему *хорошее применение*, поскольку же он присущ ходу вещей, он *злоупотребляет всеобщим* – оно есть пассивное орудие, управляемое рукою свободной индивидуальности, безразличное к тому употреблению, которое она делает из него, и поддающееся злоупотреблению даже для порождения действительности, которая есть его разрушение; безжизненная, лишенная собственной самостоятельности материя, которой можно придать ту или иную форму, даже ведущую к ее гибели.

Так как это всеобщее одинаково находится в распоряжении как сознания добродетели, так и общего хода вещей, то нельзя понять, достаточно ли вооружена добродетель, чтобы одержать победу над пороком. Оружие [у них] – одно и то же; это указанные способности и силы. Правда, добродетель из своей веры в первоначальное единство своей цели и сущности общего хода вещей устроила засаду, откуда во время борьбы должно быть произведено нападение на врага с тыла, и цель *в себе* должна быть осуществлена; так что в силу этого на деле для рыцаря добродетели его собственное *действие* и борьба есть, строго говоря, притворство, которое он не *может* принимать всерьез, потому что свою подлинную силу он полагает в том, что добро есть *в себе самом и для себя самого*, т.е. само осуществляет себя, – притворство, которого он и не *смеет* допустить всерьез. Ибо то, что он обращает против врага и видит обращенным против себя и что он рискует попортить и повредить как у самого себя, так и у своего врага, не должно быть само добро; ведь борется-то он за сохранение и осуществление добра; то, чем он рискует, – это только равнодушные дарования и способности. Однако на деле последние суть не что иное, как именно само то лишенное индивидуальности всеобщее, которое должно быть получено и претворено в действительность путем борьбы. – Но в то же время оно непосредственно уже *претворено в действительность самим* понятием борьбы: оно есть *в-себе[-бытие], всеобщее*; и его претворение в дейст-

вительность значит только то, что оно *в то же время* есть для *некоторого "иного"*. Обе вышеуказанные стороны, с каждой из которых оно стало абстракцией, *более не разделены*, а в борьбе и путем борьбы добро установлено одновременно в том и другом виде. – Но добродетельное сознание вступает в борьбу против общего хода вещей как против того, что противоположно добру; то, с чем общий ход вещей предстает тут перед добродетельным сознанием, есть всеобщее, не только как абстрактное всеобщее, но и как сущее, которое оживлено индивидуальностью, и есть для некоторого "иного", или есть *действительное добро*. Таким образом, там, где добродетель прикасается к общему ходу вещей, она всегда наталкивается на такие места, которые суть существование самого добра, неотделимо вплетающегося во все явления общего хода вещей как его "*в себе*" и имеющего в его действительности также и свое наличное бытие; общий ход вещей, следовательно, для добродетели неуязвим. Именно такие [виды] существования добра и, следовательно, такие неприкосновенные отношения суть все те моменты, которые должны были быть подвергнуты риску и принесены в жертву самой добродетелью, поскольку они ей присущи. Процесс борьбы поэтому может быть только колебанием между сохранением и пожертвованием, или, лучше сказать, не может иметь места ни принесение в жертву своего, ни нанесение ущерба чужому. Добродетель уподобляется не только тому воину, для которого в борьбе все дело в том, чтобы содержать свой меч во всем его блеске, но она и в борьбу вступила только затем, чтобы сохранить оружие; и она не только не может пользоваться своим оружием, но должна также сохранить в целостности оружие врага и оберегать его от себя самой, ибо все оружие составляет благородную сторону добра, за которое добродетель вступила в борьбу.

Для этого врага, напротив, сущность составляет не *в себе*[-бытие], а *индивидуальность*; его сила, следовательно, в негативном принципе, для которого нет ничего постоянного и абсолютно священного, но который может решиться на риск потери чего угодно и может перенести такую потерю. Вследствие этого он уверен в победе как благодаря самому ее характеру, так и благодаря противоречию, в которое вовлекается его противник. То, что для добродетели есть *в себе*, общему ходу вещей предстает только *для него*; он свободен от всякого момента, который для добродетели обладает прочностью и с которым она связана. Вследствие того, что для него такой момент имеет значение лишь как такой момент, который может как снять его, так и дать ему существовать, в его власти находится этот момент, а тем самым и укрепившийся в нем добродетельный рыцарь. Последний не может скинуть этот момент с себя, как накинутый на плечи плащ, и, сбросив, освободиться от него, ибо он для него сущность, от которой ему нельзя отказаться.

Что касается, наконец, засады, из которой *доброе "в себе"* должно хитростью напасть на общий ход вещей с тыла, то эта надежда в себе ничтожна. Общий ход вещей есть бодрствующее, уверенное в себе самом сознание, которое не позволит подойти к себе сзади, а всегда гру-

дью встречает противника, ибо общий ход вещей таков, что всё – *для него*, что всё – *перед ним*. Но доброе “*в себе*”, если оно есть *для* своего врага, оно находится в борьбе, которую мы видели; поскольку же оно есть не *для него*, а *в себе*, – оно пассивное орудие дарований и способностей, лишенная действительности материя; если представить его наличным бытием, то оно было бы сознанием, погруженным в сон и остающимся позади, неизвестно где.

[3. *И н д и в и д у а л ь н о с т ь к а к р е а л ь н о с т ь в с е о б щ е г о .*] – Итак, добродетель побеждается общим ходом вещей, потому что на деле ее цель – абстрактная недействительная *сущность* и потому что применительно к действительности ее действие основывается на *различениях*, которые заключаются только в *словах*. Она хотела состоять в том, чтобы, *жертвуя индивидуальностью*, воплотить добро в *действительность*, но эта сторона *действительности* сама есть не что иное, как сторона *индивидуальности*. Добро должно было быть тем, что есть *в себе* и противоположно тому, что есть, но *в-себе[-бытие]* со стороны своей реальности и истины, напротив, есть *само бытие*. *В-себе[-бытие]* есть прежде всего абстракция *сущности* по сравнению с действительностью; но абстракция есть именно то, что не подлинно, а есть только *для сознания*; но это значит, оно само есть то, что называется *действительным*; ибо действительное есть то, что по существу есть *для некоторого “иного”*, или оно есть *бытие*. Но сознание добродетели покоится на этом различии *в-себе[-бытия]* и *бытия*, на различии, которое лишено истины. – Общий ход вещей должен был быть извращением добра, потому что его принципом была *индивидуальность*; однако последняя есть принцип *действительности*, ибо именно она есть сознание, благодаря которому *в-себе-сущее* в такой же мере есть и *для некоторого “иного”*; общий ход вещей осуществляет превращение неизменного, но на деле он этим превращает его из “*ничто*” абстракции в *бытие реальности*.

Итак, общий ход вещей одерживает победу над тем, что составляет добродетель в противоположенности ему; он одерживает победу над добродетелью, сущностью которой является лишенная сущности абстракция. Но он одерживает победу не над чем-либо реальным, а над созданием различий, которые не есть различия, над этими пышными речами о благе человечества и об угнетении его, о жертве во имя добра и о злоупотреблении дарованиями; такого рода идеальные сущности и цели понижают как пустые слова, которые возвышают сердце, но оставляют разум пустым, назидают, но ничего не созидают; это декламации, содержание которых определенно выражает только то, что индивид, который выдает себя за деятеля, преследующего такие благородные цели, и который произносит такие превосходные фразы, считает себя превосходным существом; это напыщенность, которая набивает голову себе и другим, но набивает пустым чванством. – Античная добродетель имела свое определенное несомненное значение, ибо у нее была своя *наполненная содержанием основа в субстанции* народа и ее целью было некоторое *действи-*

тельное, уже существующее добро; она поэтому и не была направлена против действительности как *всеобщей извращенности* и против *общего хода вещей*. Рассматриваемая же добродетель – вне субстанции, она есть лишенная сущности добродетель, добродетель только в представлении и на словах, в которых нет такого содержания. – Эта пустота риторики, борющейся с общим ходом вещей, сразу обнаружилась бы, если бы пришлось сказать, что означают ее фразы; поэтому *предполагается*, что они *известны*. Требование рассказать об этом известном было бы выполнено или путем нового нагромождения фраз или ему было бы противопоставлено апеллирование к сердцу, которое *внутренне* говорило бы, что они означают, т.е. была бы признана неспособность сказать *это на деле*. – В ничтожестве этой риторики, хотя и бессознательно, убедилась, по-видимому, образованность нашего времени, так как все нагромождение этих фраз и манера чваниться этим потеряли всякий интерес, и это выражается в том, что они наводят только скуку.

Итак, в результате этой противоположности получается, что сознание сбрасывает, как пустую оболочку, представление о каком-либо добре *в себе*, еще не обладающем действительностью. В своей борьбе сознание узнало на опыте, что общий ход вещей не так плох, как он выглядел, ибо его действительность есть действительность всеобщего. С этим опытом отпадает средство создать доброе путем *пожертвования* индивидуальностью, ибо индивидуальность есть как раз *претворение в действительность* в-себе-сущего; и извращение перестает считаться извращением (*Verkehrung*) добра, ибо это извращение есть, напротив, именно превращение (*Verkehrung*) добра как простой цели в действительность: движение индивидуальности есть реальность всеобщего.

Но тем самым на деле побеждено и исчезло точно так же и то, что в качестве *общего хода вещей* противостояло сознанию в-себе-сущего. *Для-себя-бытие* индивидуальности в нем противопоставилось сущности или всеобщему и выступало как действительность, отделенная от *в-себе-бытия*. Но так как обнаружилось, что действительность находится в нераздельном единстве со всеобщим, то оказывается, что *для-себя-бытия* общего хода вещей, подобно тому как *в-себе*[-бытие] (*das Ansich*) добродетели есть только некоторый *взгляд* (*eine Ansicht*), – также уже нет. Пусть индивидуальность общего хода вещей считает, что она совершает поступки только *для себя* или *своекорыстно*: она лучше, чем она мнит о себе, ее действие есть в то же время *в-себе-сущее, всеобщее* действие. Когда она поступает *своекорыстно*, то она лишь не ведает, что творит; и когда она уверяет, что все люди поступают *своекорыстно*, то она только утверждает, что ни один человек не сознает, что такое действие. – Когда она совершает поступки *для себя*, то это-то и есть воплощение в действительности только еще *в-себе-сущего*; таким образом, цель *для-себя-бытия*, мнящая себя противоположной тому, что есть в себе, – ее пустое лукавство, как и ее утонченные объяснения, умеющие во всем раскрыть *своекорыстие*, исчезли точно так же, как исчезли цель *в-себе*[-бытия] и ее риторика.

Итак, *поступки индивидуальности суть цель в себе самой; именно применение сил, игра их внешних проявлений* сообщает им жизнь, иначе они были бы мертвым “в-себе”; в-себе[-бытие] не есть неосуществленное, лишенное существование и абстрактное всеобщее, наоборот, оно само есть непосредственно наличность и действительность процесса индивидуальности.

С. ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ, КОТОРАЯ ВИДИТ СЕБЯ РЕАЛЬНОЙ В СЕБЕ САМОЙ И ДЛЯ СЕБЯ САМОЙ

Самосознание овладело теперь понятием о себе, которое до сих пор было лишь нашим понятием о нем, а именно в достоверности того, что оно само есть вся реальность; цель же и сущность для него отныне есть движущееся взаимопроникновение всеобщего – дарований и способностей – и индивидуальности. – Отдельные моменты этого наполнения и взаимопроникновения *до достижения единства*, в которое они слились, суть рассматривавшиеся до сих пор цели. Они исчезли как абстракции и химеры, принадлежащие указанным первым поверхностным формам духовного самосознания и имеющие свою истину лишь в мнимом бытии сердца, воображения и пустых слов, а не в разуме, который теперь убедился в своей реальности в себе и для себя и уже не стремится больше выдвинуть себя как *цель в противоположность* непосредственно сущей действительности, а имеет предметом своего сознания категорию как таковую. – Именно определение *для себя сущего* или *негативного* самосознания, в котором выступал разум, снято; это *самосознание заставляло действительность*, которая была бы негативностью его и лишь путем снятия которой оно осуществляло бы для себя свою *цель*. Но так как *цель и в-себе-бытие* оказались тем же, что *бытие* для “иного” и *найденная готовой действительность*, то истина более не отделяется от достоверности, будет ли теперь выставленная цель приниматься за достоверность ее самой, а осуществление ее – за истину, или же цель – за истину, а действительность – за достоверность; наоборот, сущность и цель в себе и для себя самой есть достоверность самой непосредственной реальности, взаимопроникновение *в-себе-бытия* и *для-себя-бытия*, всеобщего и индивидуальности; действие само по себе есть своя истина и действительность, а *проявление* или *выражение индивидуальности* есть для него цель в себе и для себя самой.

Таким образом, с этим понятием самосознание вернулось в себя из тех противоположных определений, которые категория имела для него и для его отношения к ней как самосознания наблюдающего и затем деятельного. Оно имеет своим предметом самое чистую категорию, или: оно есть категория, которая дошла до сознания себя самой. Этим закончены счеты с его прежними формами; они позади него в забвении, не противостоят как его найденный готовым мир, а развиваются только внутри его самого как прозрачные моменты. Тем не менее они еще рас-